

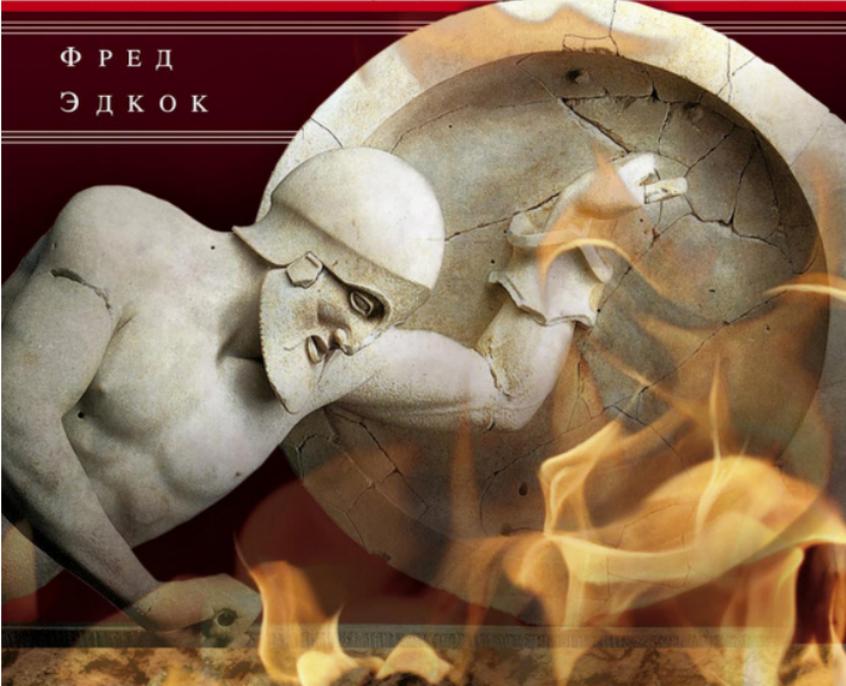
В О Е Н Н О Е

ИСКУССТВО

ГРЕКОВ • РИМЛЯН • МАКЕДОНЦЕВ

ФРЕД
ЭДКОК

Фрэнк Эзра Эдкок
Военное искусство греков,
римлян, македонцев

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4937644

Военное искусство греков, римлян, македонцев: ЗАО Центрполиграф;

М.; 2012

ISBN 978-5-9524-5061-5

Аннотация

Фрэнк Эзра Эдкок, выступая с позиций беспристрастного историка, старается дать объективную и непредвзятую оценку римской военной машине и особенностям ведения войны греками и македонцами. Не разбирая подробностей военных кампаний, автор рассматривает, как древние воины распоряжались теми средствами, которые у них были в наличии, в какой мере военные успехи в то время зависели от численности армий, от искусства полководцев и условий местности, дает характеристику наиболее выдающимся деятелям военной истории Античности.

Содержание

Книга 1	4
Глава 1	4
Глава 2	30
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Фрэнк Эзра Эдкок

Военное искусство греков, римлян, македонцев

Книга 1

ВОЕННОЕ ИСКУССТВО ЭПОХИ РИМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Глава 1

ЛЮДИ

Выбранная мной тема – римское военное искусство периода республики. Я надеюсь, вы не сочтете меня безрассудным и бессердечным поборником войны, однако я должен признать, что в истории человечества были времена, когда даже самые порядочные люди считали войну наименьшим из возможных зол, времена, когда в мире не находилось места мудрости и благоразумию. Как и в наши дни, в Античности полагали, что раз уж война началась, то гораздо лучше победить в ней, нежели проиграть. Если бы в международ-

ных отношениях того времени рассудительность и честность играли большую роль, глава, которую римлянам пришлось вписать в историю войн, оказалась бы значительно меньше. Однако, чтобы понять прошлое, в котором к тому же содержатся и многие ключи к пониманию настоящего, мы не имеем права ошибиться в оценке тех факторов, которые влияли на ход этой истории. Военное искусство было неотъемлемой частью Римского государства, и, как и само это государство, оно оставило в мировой истории неизгладимый след. Римляне отнюдь не восторгались войной и еще меньше были склонны идеализировать ее. Тем не менее они неплохо понимали суть войны, и без осмысления их отношения к войне мы вряд ли сумеем понять их самих.

Много усилий было затрачено на изучение географии военных кампаний Античности, пожалуй, даже больше, чем на организацию армий и вооружение солдат. Хотя все эти вопросы и не составляют предмет моего непосредственного изучения, я, разумеется, заинтересован в результатах этих исследований. Моя же задача состоит скорее в том, чтобы оценить, как римляне сумели использовать те средства, которые оказались в их руках с позиций их времени, постараться оценить их качества как солдат, моряков и полководцев. Такая постановка задачи подразумевает толкование имеющихся сведений в довольно широких пределах, а это всегда весьма рискованно и дает достаточно субъективные результаты. Таким образом, я могу лишь постараться передать тот

образ, который сформировался в моем сознании, не претендуя на его абсолютную достоверность.

Римское военное искусство важнейшим фактором для достижения победы полагало подготовку и численность солдат, а непосредственное размещение их на поле боя стояло на втором месте. Соответственно, эти вопросы мы рассмотрим именно в таком порядке. Далее, поскольку стратегия и внешняя политика неразрывно связаны друг с другом, я постараюсь дать совместную оценку этим сторонам римской политики, оставив напоследок те вопросы, которые многие находят наиболее интересными, – это, собственно, полководческое искусство и руководство армией на поле боя. Период римской истории, который составляет предмет нашего изучения, ограничен битвой при Акции, которая может считаться концом истории Римской республики и одновременно отправной точкой истории Римской империи. Август впоследствии перестроил военную машину Рима, приспособил ее к новым географическим условиям и поставил перед Римским государством новые политические задачи. Эти реформы оказали значительное влияние, если не переменили совершенно сам характер римского военного искусства. Ограничение рассматриваемого периода поэтому, хотя и продиктовано практическими соображениями, поскольку объем лекций не позволяет рассмотреть весь ход римской истории, не является произвольным или надуманным.

Греческий гений – здесь я не подразумеваю македонян –

проявлялся в основном в мирных, гражданских делах. Помимо наемников, лишь немногие из греков становились профессиональными солдатами. В Спарте, для которой война всегда стояла на первом месте, была создана армия, не имевшая себе равных во всей Элладе в течение двухсот лет. В целом же греки привнесли в тактику и военную технику больше инноваций, чем римляне. Однако последние лучше умели пользоваться плодами своих побед и оказались намного дальновиднее и выносливее в военных вопросах. Битвы иногда выигрывают полководцы, но войны почти всегда выигрывают солдаты. Если Риму иногда и хватало по-настоящему талантливых военачальников, то уж, во всяком случае, он всегда имел в избытке хороших солдат. Рим старался вести войну так, чтобы по максимуму использовать те преимущества, которыми обладал. Римлянин рождался, будучи уже наполовину солдатом, а тренировки и служба в армии давали ему недостающую часть. Война для него была не увлекательным приключением, а тяжелой работой, и самого себя он воспринимал как своего рода инструмент для этой работы. Развитие римского военного искусства никогда не шло широкими семимильными шагами, оно продвигалось неторопливо и поступательно, впрочем всегда достигая своих целей. Однако, как бы то ни было, первым делом мы должны разобраться в том, какими солдатами были римляне, что в их характере имелось уже от природы, а что определялось воспитанием и дисциплиной римской армии.

С самого начала истории республики ее армия состояла из легионов. В пехоте служили в соответствии со своим имущественным положением обычные римские граждане, а сравнительно немногочисленная кавалерия комплектовалась из представителей высших слоев общества. Армией командовал один или оба консула года, если только крайняя опасность не заставляла избрать диктатора, чьим заместителем становился магистр конницы (*Magister equitum.* – *Пер.*). Военная служба была для римских граждан одновременно и привилегией, и долгом, поскольку большую часть армии составляли землевладельцы и свободные крестьяне. Организация армии постепенно совершенствовалась, и со временем молодые воины, способные выносить тяготы долгой военной кампании, были отделены от тех, кто был в состоянии лишь защищать стены самого города. Борьба патрициев и плебеев в конечном итоге привела к дальнейшей консолидации всех военных средств государства. Командование на войне перестало быть монополией патрициев, а политические привилегии вместе с обязанностью нести военную службу теперь были равномернее распределены между всеми сословиями римского общества. Временные политические разногласия, военные мятежи, столкновения экономических интересов и борьба за привилегии, конечно, еще не раз вызывали в Риме настоящий политический кризис. Но это не должно вводить нас в заблуждение – амбиции и обиды всегда в конечном счете отступали перед главным принципом римского обще-

ства – *Salus populi – suprema lex* («Благо народа – высший закон». – *Пер.*).

О ранних войнах, которые Рим вел в союзе со своими родичами латинами, нам известно немного. Впрочем, мы можем с уверенностью предположить, что, по примеру этрусков, римские пехотинцы выстраивали на поле боя фалангу¹. Главными задачами римлян оставались оборона окрестных плодородных равнин, отражение набегов этрусков и жителей окрестных гор. Преимущество римлян перед их ближайшими соседями заключалось главным образом в дальновидности и методичности, которые они проявляли в развитии военного дела. Когда возникла необходимость вести долгие боевые действия, римляне ввели плату за военную службу, хотя их легионы по-прежнему оставались всего лишь ополчением граждан и мало чем отличались в этом отношении от армий их соседей. Затем, в начале IV века до н. э., случилась катастрофа при Аллии, когда воинственные галлы, легко рассеяв римских ополченцев, едва не уничтожили само Римское государство. Когда гроза миновала, республика приложила немало усилий, чтобы восстановить и преумножить свою военную мощь. Спустя всего два поколения после этой катастрофы римляне создали армию, которой оказалось по силам завоевать господство в Центральной Италии. К тому моменту, как это господство было установлено, Риму уже нечему было учиться у своих галльских и итальянских вра-

¹ Meyer E. Kleine Schriften. II. P. 231–232.

гов, характер римской армии и собственно римского солдата уже вполне сформировался.

Сейчас я вынужден коснуться вопроса, который всегда вызывал немало споров и дискуссий². Вопрос этот состоит в том, как именно действовали в бою легионы Римской республики, учитывая, что к тому моменту они уже состояли из отдельных манипул численностью 120 человек. Ответ на этот вопрос весьма важен для нас, поскольку он проливает дополнительный свет на характер римского солдата того периода. Чтобы разобраться в этом, мы должны сначала обратиться к изучению работ Полибия и Ливия³. Однако главы, посвященные сражениям, содержат слишком мало подробностей, поэтому постараемся реконструировать ход событий на основе тех данных, которыми мы все же располагаем. Начинали битву легковооруженные застрельщики – *велиты*, чьей задачей было прикрыть продвижение тяжелой пехоты, составлявшей основу боевой силы легиона. Первую линию пехоты формировали *гастаты*, чье название происходит от метательного копья *гасты*, которое, впрочем, уже вышло из употребления к тому моменту. Во второй линии стояли *принципы*, а воины третьей линии именовались *триариями*. Первые две линии несли мечи и один или два *пиллума* — довольно тяжелых метательных копья, которые легио-

² Полемика, связанная с этим вопросом, освещается в *Delbrück H. Geschichte der Kriegskunst*. I. P. 349, 443, 436, 457; *Meyer E. Op. cit.* P. 198 ff.

³ *Livy*. VIII. 8.

неры могли бросать на расстояние до 30 ярдов. Триарии вооружались мечом и копьем, но не несли пиллумов. На этом, по сути, и заканчивается то, что мы знаем доподлинно, и начинаются предположения и гипотезы. В целом между исследователями существует согласие относительно того, что манипулы перед боем выстраивались в шахматном порядке таким образом, что между соседними подразделениями в линии имелся интервал, равный по ширине самой манипуле. Интервал этот прикрывался манипулой, следовавшей во второй линии, и т. д. Манипулы первых двух линий могли при необходимости сомкнуть строй или отступить назад через интервалы в третьей линии, в которой шли наиболее опытные воины – триарии. Последние же в таком случае, пропустив назад гастатов и принципов, выстраивали перед неприятелем сплошную стену копий. Так, по крайней мере, все должно было выглядеть в теории. Однако как развивались события в сражении в реальных условиях, остается для нас загадкой.

Если события развивались по описанному выше сценарию, то манипулы должны были наступать, поддерживая установленные между ними интервалы. Противник же, как правило, строился в одну линию, поскольку для большинства армий древности это было обычным построением. Таким образом, в начальный момент лишь часть линии неприятеля вступала в действие. Если противником были галлы, обычно атаковавшие лавиной, то наступающий неприятель,

разумеется, проникал в промежутки между манипулами первой линии, но задерживался следовавшими позади манипулами второй линии. Если же легион атаковал фалангу, то фалангиты не могли продвинуться в интервалы между манипулами, не сломав собственного строя, в котором, собственно, и заключалось их главное преимущество, и не подставившись под мечи римлян. Легион, таким образом, довольно легко приспособлялся к условиям конкретной битвы. Атаку римлян начинали гастаты, которые, бросая с короткой дистанции свои пиллумы, в критический момент вынуждали неприятеля смешать строй. Стоунуолл Джексон писал: «Перед боем лучше всего сберегать метательные снаряды до тех пор, пока противник не приблизится на короткую дистанцию. Затем произвести один смертоносный залп и броситься в атаку».

Затем в дело вступали мечи. Воины, стоявшие в задних шеренгах, сменяли погибших или уставших. Вторая линия затем, вступая в бой, придавала новые силы натиску римлян. Если противник превосходил числом и начинал одолевать, римляне начинали медленно отступать, прикрываемые воинами первых рядов. Первые две линии, теперь уже смешавшиеся в одну, доходили до строя триариев, которые до тех пор лишь наблюдали за ходом битвы. Затем, по сигналу легионных труб, гастаты и принципы быстро проходили сквозь линию триариев, возможно жертвуя при этом первыми рядами воинов, которые, сколько могли, задерживали неприятеля.

теля и давали этим время своим товарищам организованно отступить. Триарии должны были за короткий промежуток времени расступиться, чтобы пропустить гастатов и принцепов, а затем снова сомкнуть ряды, образовав сплошную стену копий на пути неприятеля. Враг, первые ряды которого уже были утомлены боем, теперь должен был сражаться с опытными и сохранившими свои силы солдатами, понимавшими к тому же, что они являются последней надеждой на победу для своей армии. Триарии были своего рода пережитком старой и уже вышедшей из употребления в Риме тактики – а именно фаланги. Римляне сохранили его, чтобы дополнить и придать устойчивость войскам нового типа. Глубина построения триариев была всего три шеренги, к тому же стоявших не вплотную друг к другу, чтобы иметь возможность пользоваться мечами. Так что все решала их стойкость, хотя мы можем предположить, что гастаты и принцепы старались по мере возможного поддерживать триариев.

Такая тактика, конечно, не могла гарантировать победу в бою, но она позволяла в полной мере использовать сильные стороны в подготовке римских легионеров. В случае победы она сохраняла силы триариев, наиболее опытных солдат, которые к тому же, как правило, являлись главами многочисленных семейств, и гибель их имела не только военные, но и социальные последствия.

В случае же поражения такая тактика давала уцелевшим гастатам и принцепам хорошие шансы на спасение. Взамен

от солдат требовались присущие традиционному римскому характеру личные качества – стойкость, уверенность, умение беспрекословно повиноваться приказам. Поскольку италийские союзники Рима использовали ту же тактику, от их солдат требовались ровно те же качества, что и от римских легионеров. Поражения римлян, как правило, происходили в тех случаях, когда битва начиналась неожиданно в результате случайной встречи с неприятелем и римляне не могли в полной мере использовать преимущества своей тактики, или же тогда, когда плохо подготовленные войска не могли реализовать ее на практике. Исключения составляли главным образом те сражения, в которых причиной поражения римской армии был исключительный талант противника, как, например, в случае с Ганнибалом. В рассматриваемый период разведка в римской армии была поставлена довольно плохо, и есть немало примеров, когда римляне бывали вынуждены сражаться на такой местности, которая сама по себе не годилась для применения легионной тактики, и им приходилось вести бой на условиях неприятеля. Но в данном случае для меня важнее всего понять, как сочеталась такая тактика боя с характером римлян и италийцев, характером, превратившим их в лучших солдат Античности за вычетом разве что спартанцев. В случае, если ход битвы был неблагоприятен для римлян, они всегда могли отступить в заблаговременно сооружавшийся укрепленный лагерь, если только сражение не было результатом внезапной встречи с непри-

ятелем и к нему готовились заранее. Сам по себе римский полевой лагерь весьма примечателен по своему устройству и раскрывает немало особенностей римского военного искусства и характерных черт римского солдата.

Для начала я должен сказать несколько слов в защиту традиции ежедневного сооружения укрепленного лагеря для ночлега, обычая, подобного которому мы не видим ни в одной армии древности. Если скорость продвижения к цели имела решающее значение, то эта практика становилась серьезным замедляющим фактором, поскольку на собственно движение отводилась лишь первая часть дня, середина его уходила на сооружение лагеря, а вечер посвящался отдыху от дневной работы. Чтобы несколько смягчить впечатление от крайней нерациональности такого распорядка дня, я должен заметить, что римское военное искусство того периода вообще не придавало скорости переброски армий большого значения. Греки тоже старались устраивать походные лагеря, используя такие места, где сама природа создавала естественные укрепления и служила им защитой, однако на поиски таких мест также уходило немало времени. Кроме того, недавние раскопки профессора Шультена в Испании показали, что и римляне стремились использовать особенности рельефа местности при постройке своих лагерей⁴. Однако, что действительно важно для нас, так это в полной мере проявившееся в этой традиции стремление римлян к точ-

⁴ *Schulten A.* / The Cambridge Ancient History. VIII. P. 318.

ности и порядку. Есть и еще один важный фактор. В Полевых уставах армий Англии, Франции, Германии, России есть одно общее положение – даже в самых неподходящих условиях размещать войска по квартирам считалось лучше, чем оставлять их в полевом лагере. Во время Франко-прусской войны, например, обе стороны вполне сознательно шли на риск размещения армий по квартирам⁵. Главной причиной такой практики служила забота о сохранении боевого духа армии, а ощущение комфорта и спокойствия у солдат во время затишья в боевых действиях исключительно важно в этом отношении. С другой стороны, находясь в полевом лагере, армия сосредоточена в одном месте и готова к немедленным действиям. Римский укрепленный лагерь сочетал в себе все эти преимущества. Армия оставалась собранной и готовой к немедленному выдвигению, а между стенами лагеря и палатками легионеров, по свидетельству Полибия⁶, оставлялось значительное пространство, так что стрелы неприятеля не могли поражать их. Такой распорядок, быть может, в какой-то степени подавлял личную инициативу, зато лагерь давал солдатам ощущение безопасности, а заодно и помогал поддерживать в армии дисциплину.

Часы, следовавшие за завершением строительства лагеря, посвящались отдыху. Римляне старались отдыхать не толь-

⁵ *Altham E. The Principles of War. P. 410–411.*

⁶ *Polybius. VI. 31, 14.*

ко телом, но и душой⁷. Сейчас, разумеется, уже трудно реконструировать психологический портрет обычного римлянина или италика времен республики. Надо полагать, что присущие многим сегодняшним жителям Италии черты, такие как, например, повышенная эмоциональность, присутствовали и у них. Даже среди аристократии было не принято сохранять спокойствие и невозмутимость в обществе. Но в военных вопросах римляне сохраняли завидную выдержку и хладнокровие. Возможно, им временами и недоставало способности к импровизации, но применительно к тактике действия легионов требовался именно такой характер. Тактика римской армии, как мы уже видели, предусматривала отступление наравне с атакой. Римляне старались оберегать солдат от избыточного нервного напряжения настолько долго, насколько это было возможно, и укрепленный лагерь был прекрасным средством для этого. С другой стороны, лагерь представлял собой и скрытую опасность, поскольку внушал гастатам и принципам мысль о том, что им есть куда отступить, и, возможно, был своего рода расчет в том, что третья линия войск – триарии – помещалась между лагерем и ими, поскольку опытные и подготовленные триарии поддались бы панике в последнюю очередь.

Практика сооружения укрепленных лагерей подчеркивает и еще одну характеристику римской армии – упорство в бою и нежелание мириться с поражением. Греческие армии

⁷ Fischer W. Das römische Lager. P. 134 ff.

классического периода стойко сражались до тех пор, пока одна из противоборствующих сторон не начинала сдавать свои позиции. Когда наступал этот момент⁸, порядок слабейшей армии нарушался, и начиналось повальное бегство. Римская армия редко отступала столь же поспешно и обычно старалась продолжать сражение до тех пор, пока это было вообще возможно. Если верить в правдоподобность описаний сражений, приводимых античными авторами, отступление римлян крайне редко превращалось для них в окончательное поражение.

Когда римская армия терпела поражения, причину их обычно искали в недостатке дисциплины и стойкости у солдат. Способнейшие из римских военачальников отказывались вести в бой армию до тех пор, пока прежний порядок, основанный на жесткой, если не сказать жестокой, дисциплине, не был восстановлен. В большинстве армий в одних и тех же подразделениях служили люди с весьма разным уровнем подготовки и опыта. С началом войны части первой линии пополняются как резервистами, так и новобранцами, что позволяет получать в среднем достаточно хорошо подготовленные соединения. Насколько мы можем судить, республика прилагала немало усилий, по крайней мере в собственно римской части армии, чтобы большая часть личного состава каждого легиона была примерно равноценна по опыту и возрасту. На лицо было явное нежелание ослаблять

⁸ *Aeschylus. Agamemnon. 1236.*

боевую ценность и однородность опытных и обученных подразделений с тем, чтобы усилить менее подготовленные. Были ли попытки применить такую же практику к контингентам союзников – сказать трудно⁹. Но поскольку римская тактика боя требовала определенной подготовки от легионеров, а союзные подразделения действовали совместно с легионами, можно предположить, что методы их комплектования были весьма сходны с римскими¹⁰. С другой стороны, по крайней мере начиная со времени Второй Пунической войны уже существовала целая прослойка людей, сделавших военную службу своей профессией. Именно из их среды выходило большинство центурионов римской армии, составлявших стеновой хребет легиона¹¹.

Теперь рассмотрим другой, не менее важный, вопрос – социальный состав римской армии. Английская армия XVIII века состояла из профессиональных солдат, которыми командовали офицеры благородного происхождения¹². Рядовые, капралы и сержанты происходили из одного сословия, офицеры же, начиная с самых младших званий, принадлежали к совершенно другим слоям общества. Любыми, даже самыми небольшими подразделениями, способными действовать самостоятельно, командовали молодые офицеры благо-

⁹ *Polybius*. VI. 21, 4–5.

¹⁰ *Ibid.* XVIII. 28, 10.

¹¹ *Livy*. XLII. 34.

¹² *Delbrück H.* Op. cit. I. P. 464.

родного происхождения, а человек, поступивший на службу рядовым, но прошедший уже, быть может, двадцать кампаний, все равно оставался его подчиненным. На самом деле механизм этот вполне исправно работал и в армии, в которой столь щепетильно относились к классовым различиям, он даже способствовал формированию и поддержанию некоего командного духа. В римской армии процент аристократов среди офицеров был сравнительно невелик. К высшим слоям общества принадлежали разве что командующие легионом или несколько военных трибунов (*tribunus militum*). Военный трибун мог командовать отрядом солдат, отправленных с каким-либо особым поручением, но, когда легион вступал в сражение, командование поручалось наиболее опытным легионерам, принадлежавшим к разряду рядовых. Молодые римские аристократы, как правило, начинали службу в кавалерии, а не в легионах и достигали командных постов, как правило, в уже довольно зрелом возрасте. Аристократы в римской армии становились полководцами или штабными офицерами, но редко командовали полевыми подразделениями. Таким образом, то, что имело наибольшее значение для римского ведения боя, – грамотное проведение тактики, – оставлялось в руках людей, которые принадлежали по своему положению к разряду обычных солдат, жили вместе с солдатами, находились в рамках той же строгой дисциплины, но которые были опытны, храбры и выносливы на поле боя. Легионер носил в своем походном ранце не маршаль-

ский жезл, но стимул центуриона¹³, который, пожалуй, больше побуждал его к усердию и, при необходимости, оставлял на спинах солдат наглядные свидетельства власти этого центуриона. Следует помнить, что вплоть до последнего столетия существования республики легионеры набирались среди свободных крестьян, которые принадлежали скорее к среднему классу, чем к низшим слоям римского общества. Они получали шанс сделать военную карьеру, обрести прочное материальное положение и заслужить уважение представителей своего класса. Полибий так отзывался о центурионах республиканской армии: «От центурионов римляне требуют не столько смелости и отваги, сколько умения командовать, а также стойкости и душевной твердости, дабы они не кидались без нужды на врага и не начинали сражения, но умели бы выдерживать натиск одолевающего противника и оставаться на месте до последнего издыхания»¹⁴.

Несмотря на все сказанное выше о центурионах, республиканская армия оставалась в основной своей массе непрофессиональной. Легионы собирались лишь на короткое время, а в силу того, что основную часть легионеров составляли свободные крестьяне, они, разумеется, всегда стремились как можно скорее вернуться к своим хозяйствам. Армии италийских союзников Рима комплектовались, вероятно, по такому же принципу, причем срок, на который призывались

¹³ Tacitus. Annals. I. 23, 4.

¹⁴ Polybius. VI. 24, 9.

на службу италики, превышал таковой для римских граждан. Если войска долгое время оставались в одном регионе и под началом одного полководца, как, например, было в Испании под командованием Сципиона Африканского, появлялась возможность тщательнее обучить легионеров тактическим приемам и взаимодействию в бою. Однако за все следующее столетие мы не видим ни одного подобного примера, поскольку специфические условия для такого положения более не повторялись. Центурионы и солдаты, сделавшие военную службу своим ремеслом, обеспечивали некоторый процент профессионалов, однако вплоть до конца II века до н. э. этот процент был не слишком велик. Проследим теперь за тем, как изменился облик римского солдата, когда армия Рима сделалась целиком профессиональной.

Когда Марий в конце II века до н. э. отменил суровые имущественные цензы для подлежащих призыву граждан, он получил солдат, для которых не было другого будущего, кроме службы в армии, и именно с этого момента служба в римском легионе стала профессиональной. Дополнительным фактором, укреплявшим преданность солдат, была общность интересов, возникшая в то время между ними и их полководцами. Римское государство снимало с себя всякую ответственность за ветерана, после того как его служба в легионе подходила к концу. Легионер, таким образом, смотрел на своего полководца как на единственный шанс, дослужившись до пенсии, получить при выходе в отставку полагавшиеся ему

денежную премию и земельный участок¹⁵. Об этом факторе, игравшем важную роль в последние десятилетия республики, я подробнее расскажу в лекции, посвященной полководческому искусству.

Еще одним изменением, оказавшим существенное влияние на характер римского солдата, было появление в составе легиона когорт – подразделений примерно эквивалентных батальону. Процесс этот начался еще во времена Сципиона Африканского, но завершился лишь ко времени реформ Марция¹⁶. Образование когорт расширило возможности легиона, сделав его в конечном счете более универсальным и независимым подразделением. Вместе с тем возросли требования к боевой подготовке легионеров, от которых теперь требовались не только боевые навыки, но и навыки строителя и даже ремесленника. Эти изменения сделали легионера профессиональнее, теснее связали его с полководцем и сделали его зависимым от навыков и подготовки его непосредственного командира – центуриона. Насколько перемены отразились и на союзниках Рима италиках, судить довольно трудно, но они, несомненно, должны были оказать какое-то влияние на них. Однако, когда миновал кризис, вызванный Союзнической войной в начале I века до н. э., римская пехота стала абсолютно однородной по своему составу, и войска союзников теперь ничем не отличались от собственно рим-

¹⁵ *Last H.* / С.А.Н. IX. P. 136; *Parker H.M.D.* The Roman Legions. P. 26.

¹⁶ *Last H.* Ibid. P. 146–147.

ских легионов. Римская армия стала профессиональной и была теперь предана в большей степени своим полководцам, чем своему правительству. Эта армия сохранила свой ита-ло-римский характер, чувство собственного превосходства по отношению к наемным армиям соседних государств, сохраняла стойкость и дисциплину, по крайней мере до тех пор, пока верила в своего полководца. Центурионы по-прежнему мечтали о жизни зажиточного гражданина после отставки, хотя они всегда были готовы вновь стать под знамена по призыву именитого военачальника. Прекрасно подготовленные войска поздней республики, возможно, были лучшими солдатами, которых когда-либо видел мир. Империя унаследовала военные традиции республики, и Август сумел привить этой армии твердую преданность принцепсу, а через него и самому Римскому государству.

До сих пор я старался описать лишь некоторые особенные отличительные качества римского солдата. Теперь я должен попробовать дать количественную оценку людским ресурсам Рима.

Уже во времена ранней республики численность населения Рима превосходила численность ближайших соседей римлян – латинов. Последние, в свою очередь, были, насколько можно судить по имеющимся скудным сведениям, более многочисленны, чем окружавшие их италийские народы¹⁷. Римляне поступили мудро, заключив союз со сво-

¹⁷ *Last H.* / С.А.Н. VII. P. 342.

ими соседями герниками и латинами. Занимая положение между этрусками и латинами, Рим служил своего рода щитом для последних, чем обеспечивал их преданность новому альянсу. До тех пор пока римляне сохраняли внутреннее единство, их сил было достаточно для отражения внешних угроз и они могли не уклоняться от встречи со своими врагами. С другой стороны, потребность в частой мобилизации всех людских ресурсов государства в совокупности с тем, что каждый римлянин, призывавшийся на службу, мог сам видеть поле боя и гордиться силой своего отечества, заставляла патрициев быть сговорчивее, а плебеев лояльнее по отношению к властям республики и представителям высших слоев общества. Опасность со стороны этрусков уменьшилась, зато появилась новая угроза, на сей раз со стороны галлов. В этой ситуации соседи Рима, хотя и были уже обеспокоены его стремлением к доминированию в регионе, не решились бы перед лицом новой угрозы нанести им удар в спину. Дальновидной политикой Риму удалось искусно использовать самнитов в борьбе с латинами, а затем покончить уже с самнитами, заключив союз с латинами и другими италиками¹⁸.

Противостояние равнин и холмов завершилось установлением римского господства в Центральной Италии. Отчасти по воле случая, отчасти благодаря целенаправленной политике, Риму всякий раз удавалось обеспечивать себе чис-

¹⁸ С.А.Н. VII. P. 589.

ленное преимущество на войне. Первая Пуническая война стоила жизни многим жителям Италии, но к тому моменту, когда Риму пришлось встретиться со своим главным врагом – Ганнибалом, он сохранял значительное преимущество в людской силе, а по завершении войны у Рима образовался значительный резерв хорошо обученных и прошедших школу реальной войны солдат. В следующие пятьдесят лет почти непрерывные войны на севере Италии и в Испании поставили перед республикой новые проблемы с потребностью в людской силе, и не все эти проблемы республика оказалась в состоянии своевременно решить. Римляне продолжали помогать противникам Филиппа Македонского и в том числе посылкой своих войск. Одним из важнейших принципов римской внешней политики было то, что Рим сам по себе должен как минимум не уступать по силе своим союзникам. На практике этот принцип, унаследованный затем и империей, означал, что военные силы Рима должны пропорционально увеличиваться по мере расширения государства и сферы римского влияния. Во II веке до н. э. этот принцип регулярно нарушался ввиду частого использования союзных италийских контингентов в войнах на удаленных театрах военных действий, поскольку италики и римляне в тот период не составляли еще единого целого в полном смысле. И когда недовольство италиков вылилось в Союзническую войну, Риму пришлось принять вынужденный компромисс, который превратил италиков в римлян, даровав им всю полно-

ту прав, но вместе с тем этот шаг значительно увеличил число собственно римских граждан, это решение увеличило и военный потенциал Рима, что во многом и сделало возможным то небывалое ранее расширение сферы римского влияния, которое произошло в течение сорока лет после Союзнической войны. Хотя сама римская армия в значительной степени повинна в упадке старой республики, те же самые легионы обеспечили долгое существование Римской державы, а преимущественно западный характер легионов предопределил сохранение центра государства на западе империи.

Наконец, остается еще вопрос о том, какую значимость имели с точки зрения римлян те или иные рода войск. Войну на море и усилия, которые римляне предпринимали в этом отношении, мы рассмотрим в следующей лекции. Сейчас следует отметить, что, хотя в римской армии вплоть до конца II века до н. э. имелись значительные контингенты кавалерии, а союзники Рима выставляли еще большее число всадников, королевой на поле боя для римлян всегда оставалась пехота. Стремена были неизвестны в Античности, а без стремян всадник уподоблялся регулярно падавшему со своего коня Белому рыцарю из «Алисы в Зазеркалье». Этот недостаток так или иначе научились преодолевать, и в греческой истории есть прецеденты, когда сражения выигрывались за счет удачных действий кавалерии. Но римляне все же по своему характеру больше отдавали предпочтение пехоте, и кавалерия играла сугубо вспомогательную и второсте-

пенную роль в сражениях римской армии. В Античности кавалерия, как правило, чаще пользовалась метательным оружием – дротиками, луками и т. д. Римляне попросту считали такое оружие недостаточно эффективным и, хотя некоторые римские полководцы – особенно Лабиев – посвящали немало времени отработке взаимодействия пехоты и кавалерии, обычно всадников набирали вместе с пращниками и лучниками среди населения зависимых или покоренных Римом стран, там, где использование такого оружия было национальной традицией. Таким образом, основные черты характера римского солдата сохранялись неизменными, а легионы, особенно в своем реформированном виде в последние годы республики, были основой римской армии.

Рим стал ведущей военной силой во всем Средиземноморье, а его легионы доминировали на полях сражений. Исход многих войн был предопределен еще до их начала, и со временем военное преобладание Рима дало эффект поистине мирового масштаба. Если бы Рим, отказавшись от легионной тактики боя, больше полагался на пращников, лучников и кавалерию, это, пожалуй, дало бы странам, для которых эти виды оружия были традиционны, больше шансов выстоять. Цезарь, признанный мастер легионной тактики, одерживал победы над врагом, чьи армии были намного разнообразнее по своему составу. Империя унаследовала от республики армию, доминировавшую на полях сражений античного мира, и в становлении и укреплении империи во многом заслуга

именно этой армии.

Глава 2

МОРЕ

Еще со времен Мэхэна историки спорят, как могло получиться, что римляне так недооценивали значение морской силы, ее способность влиять на ход событий вдалеке от берегов Италии. Нельзя, конечно, сказать, что из этого правила совершенно не было исключений. Сам Мэхэн отмечал, что во Второй Пунической войне именно преобладание римского флота на море оказало решающее влияние на ход боевых действий. Однако следует признать, что немало справедливого содержится и в тех упреках, которые адресовал римлянам Моммзен за их неспособность понять преимущества владения морем. Они скорее были готовы вообще уничтожить морскую мощь, чем воспользоваться ею. За весьма редкими исключениями, римляне воевали на море лишь тогда, когда обстоятельства вынуждали их к этому. Высокая оценка тех преимуществ, которые давало обладание морем, хорошо отражена у греческих авторов V века до н. э., но совершенно не видна в сочинениях римских историков. Для римлян, так же как, например, и для спартанцев, во все времена главным приоритетом оставалась армия, а не флот. Можно вспомнить, как во время атаки на афинян на пляжах Пило-са спартанский полководец Брасид призвал своих капитанов выбрасывать корабли на отмель, чтобы позволить гоплитам

скорее вступить в дело¹⁹. В этом проявилась подлинная сущность спартанцев, стремившихся превратить морское сражение в подобие сухопутной битвы. Так же поступали и римляне. Согласно жизнеописаниям Плутарха, начальник одной из когорт заметил Антонию перед битвой при Акции: «Ах, император, ты больше не веришь этим шрамам и этому мечу и все упования свои возлагаешь на коварные бревна и доски! Пусть на море бьются египтяне и финикийцы, а нам дай землю, на которой мы привыкли стоять твердо, обеими ногами, и либо умирать, либо побеждать врага!»²⁰

На настоящий момент считается, что этот эпизод у Плутарха, скорее всего, выдумка самого автора. Однако, надо признать, он неплохо отражает взгляды, обычные для римских солдат того времени. Известен случай, когда по приказу Нерона часть подразделений легионов, стоявших в Германии, была переведена в Александрию, а затем отозвана обратно²¹. Морское путешествие, которое они при этом совершили, оказало крайне негативное воздействие не только на моральный дух, но даже и на самочувствие солдат. Для римлян море всегда оставалось коварной и непредсказуемой стихией, и даже когда оно было спокойно, они в любую минуту ждали от него подвоха. Море было своего рода сфинксом, который время от времени требовал ответа на свои за-

¹⁹ *Thucydides*. IV. 11, 4.

²⁰ *Plutarch*. *Antonius*. 64, 3.

²¹ *Tacitus*. *Historiae*. I. 31; *Bellum Africum*. 34, 6.

гадки, но от решения которых римляне всегда стремились уклониться, если была такая возможность.

Римляне относились к морю примерно так же, как и спартанцы, которые поднимались на борт корабля лишь при крайней необходимости, когда уже не было другого выхода. В 264 году до н. э. один карфагенский адмирал утверждал, что римляне смогут омыть свои руки в море лишь в том случае, если он позволит им это сделать²². Спустя всего четыре года римляне одержали над карфагенянами свою первую морскую победу. Помпею принадлежит известный афоризм – *Navigare necesse est, vivere non est necesse*²³ («Плыть необходимо, жить нет необходимости». – *Пер.*). В «Записках об Александрийской войне»²⁴ приводится рассказ о том, как офицер Цезаря – Ватиний – атаковал превосходящие силы Октавия, укомплектовав отставными ветеранами команды своих немногочисленных кораблей. «Хотя Ватиний видел, что ни величиной, ни числом своих судов он не может помериться с врагом, он предпочел пойти на риск, приняв сражение». Далее следует краткий рассказ о том, как Ватиний, сцепившись с флагманским кораблем неприятеля, сумел, уподобив таким образом морское сражение сухопутной битве, при помощи своих ветеранов одержать верх в абордажном бою. Наконец, не следует забывать и о том, что последнее ве-

²² *Cassius Dio*. XI. 43, 9; *Diodorus*. XXIII. 2.

²³ *Plutarch*. *Pompeius*. 50.

²⁴ *Bellum Alexandrinum*. 44–47.

ликое сражение республики, определившее исход противостояния Октавиана и Антония, происходило на море вблизи мыса Акций.

Но, несмотря на отдельные исключения, римляне все-таки всегда старались одерживать победу в войне на суше. Можно даже сказать, что они стремились завоевать море на суше. В старые добрые времена англичане могли самодеvolmente отмечать, что Британии не требуются башни и бастионы для защиты берегов, и в полной мере ощущать на себе силу Королевского флота, оборонявшего эти берега. Римским эскадрам было не под силу оборонять берега Италии, однако республика стремилась решить эту задачу, размещая свои колонии таким образом, чтобы максимально затруднить неприятелю передвижения как вдоль побережья, так и в глубь полуострова. Если для греков море представляло собой открытую дорогу, то для римлян оно служило скорее барьером на пути к цели. Как правило, морские вопросы занимали далеко не первые места в расчетах римской стратегии.

При проведении своей внешней политики Римская республика в первую очередь заботилась о своих сухопутных границах. Вплоть до конца IV века до н. э. Рим почти совсем не интересовался морем и довольствовался тем немногим, что доставляла ему его слаборазвитая морская торговля. Изначально Рим владел лишь небольшим участком побережья, и, когда флот соседнего города Анций разграбил его, Рим не стал создавать собственный флот, а лишь вынудил

Анцией сдать свои корабли, чьи носовые украшения были поставлены на римском форуме. Ливий утверждает²⁵, что часть захваченных кораблей Анция была включена в состав римского флота, что, вполне возможно, и соответствует действительности, хотя прошло еще много лет, прежде чем в Риме был впервые утвержден институт *duoviri navales* (начальников флота, подчиненных непосредственно консулам года. – *Пер.*), каждый из которых командовал лишь небольшой эскадрой из десяти кораблей. В истории с Анцием²⁶ римляне избрали подход, которого придерживались потом не раз – вместо того, чтобы попытаться самим установить господство на море, они следили лишь за тем, чтобы никто из их соседей не создал флота, способного угрожать их интересам. Когда в 311 году до н. э. впервые назначили начальников флота, главной задачей, которую поставили перед ними, была поддержка сухопутных операций и обеспечение надежного сообщения с Кампанией. В течение следующих пятидесяти лет об их деятельности и вовсе ничего не было слышно. На основании этого можно предположить, что *duoviri navales* назначались только тогда, когда возникала необходимость в проведении какой-то конкретной операции на море²⁷

²⁵ *Livy*. VIII. 14, 12.

²⁶ *Ibid.* 14, 8.

²⁷ *Mommsen*. Staatsrecht. II. P. 580.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.